

Против Предвзятостей

Национальная конфедерация труда - это канал революционных усилий пролетариата для реализации конкретной цели: установления вольного коммунизма. Режим сосуществования людей, который пытается решить экономическую проблему без участия государства и политики, по известной формуле: "от каждого по способностям, каждому по потребностям".

Освободительное движение пролетариата вызревает в результате разочарований. Из каждой неудачи оно выходит обновленным, с новыми силами. Это сила, которая только зарождается, сила будущего. Она несет в себе зародыш социального совершенства и отвечает глубокому человеческому чувству, поэтому он не может погибнуть, даже если сто раз сойдётся с пути.

Пролетариату слишком много проповедуется. То спокойствие, то культура, то расширение прав и возможностей. По мнению его пастырей, он так и не созрел для эмансипации. Его подготовка, если она произойдёт, будет вечной, потому что он никогда не сможет выйти, иначе как революционным путем, из невежества и неведения, из лишений, в которых его держат капиталистический режим и государство. Каждое частичное освобождение будет стоить не меньшего труда, чем полное освобождение, если оно должно быть завоевано коллективно, а не индивидуально.

Если искать решения таким образом, не атакуя систему, то решить социальную проблему невозможно. Это как яйцо Колумба. Если мы должны уравновесить яйцо на одном из полюсов, чтобы поставить его вертикально, то мы теряем время, пока пытаемся сделать. Мы должны быть полны решимости разбить его ударом по столу, атакуя яйцо целиком.

Национальная конфедерация труда интерпретирует освободительное движение пролетариата, наказанного реформистской штукатуркой и разочарованного политическим жульничеством. Она увидела прямой путь. Прямой путь прямого действия, прямой путь к установлению вольного коммунизма - единственного пути к освобождению. Речь идет не о создании сильной организации, которой будут восхищаться все и вся, а о реализации ее освободительной цели. Это не идеал, который нужно культивировать, а фронт борьбы. Идеал ему придает анархизм, который ориентирует и одушевляет его.

Определение: Вольный коммунизм - это организация общества без государства и без частной собственности. Для этого не нужно ничего изобретать или создавать какие-либо новые организмы. Ядра организации, вокруг которых будет строиться экономическая жизнь, уже существуют в современном обществе: это свободный **профсоюз** (синдикат) и **свободный муниципалитет**.

Профсоюз, в котором сегодня стихийно объединяются рабочие предприятий, подверженные эксплуатации.

И свободный муниципалитет – давно существующее собрание, в котором стихийно объединяются жители городов и деревень и которое служит каналом для решения всех проблем сосуществования в сельской местности.

Оба органа, действуя на федеративных и демократических началах, будут суверенны в своих решениях, не подконтрольны никакому вышестоящему органу, а лишь обязаны конфедеративно взаимодействовать друг с другом, по экономической необходимости посредством органов связи и коммуникации, образуемых в отраслевых федерациях.

Эти органы вступают в коллективное или общее владение всем тем, что сегодня находится в частной собственности, и регулируют производство и потребление, т.е. экономическую жизнь, в каждой местности.

Сочетание двух слов (коммунизм и воля) указывает также на слияние двух идей: коллективистской, стремящейся создать гармоничное целое благодаря вкладу или сотрудничеству индивидов, не ущемляя их независимости; индивидуалистической, желающей гарантировать человеку уважение его независимости. Рабочий на фабрике, на железной дороге или в отрасли, не имея возможности выполнять работу в одиночку, вынужден объединяться со своими товарищами как для лучшего выполнения работы, так и для защиты своих личных интересов. С другой стороны, ремесленник и сельскохозяйственный рабочий могут жить самостоятельно и даже быть самодостаточными, и поэтому у них глубоко укоренилась тенденция к индивидуализму. **Синдикат** олицетворяет потребность в коллективистской организации, а **свободный муниципалитет** лучше всего интерпретирует индивидуалистические настроения крестьянства.

Бедность – симптом, рабство – зло. – Если судить только по внешним признакам, то все согласятся, что самое страшное в современном обществе – это бедность. Однако самое страшное – это рабство, которое заставляет человека поддаваться ей, не давая ему восстать. Хуже всего не Капитал, эксплуатирующий рабочего и обогащающийся за его счет, а государство, которое держит пролетария беззащитным, ставит его под ружье государственных войск и сажает в тюрьмы.

Все зло, которое мы осуждаем в нынешнем обществе и о котором здесь не место говорить, кроется в институте власти, то есть в государстве, и в институте частной собственности, которая путем накопления производит капитал. Человек – игрушка этих двух социальных зол, подчиняющаяся его воле; он становится подлым, скупым, необщительным, когда богат, и жестоким и нечувствительным к человеческой боли, когда обладает властью. Бедность деградирует, а богатство извращает. Подчинение ввергает человека в унижение, а власть деформирует его чувства. Никто не пролил больше слез и крови, чем прожорливый и ненасытный капитал процента. Вся история изобилует преступлениями и мучениями, совершаемыми властью. Накопление богатства, как и накопление власти одними, может осуществляться только ценой лишения других. Чтобы уничтожить несчастье, как и предотвратить рабство, необходимо противостоять накоплению собственности и власти, чтобы никто не мог взять больше, чем ему нужно, и чтобы никто не мог властвовать над другим.

Два фундаментальных действия. – Человек, в силу своего способа существования и своей природы, имеет два неисчерпаемых стремления: хлеб, т.е. то, что ему необходимо для удовлетворения своих экономических потребностей (пища, одежда, жилье, образование, здравоохранение, средства коммуникации и т.д.), и воля, т.е. контроль над своими действиями.

Внешнее принуждение отвратительно для нас не потому, что оно таково, поскольку мы идем на компромисс с тем, что навязано нам самой природой. Оно отталкивает и возмущает нас, когда оно капризно, потому что подчиняется воле других людей. Мы принимаем ограничение, когда считаем его справедливым и когда нам предоставлено право судить о нем. Мы всеми силами отвергаем его, когда его навязывают нам, лишая права на обсуждение.

Это чувство свободы – стремление распоряжаться собой – настолько ярко, настолько сильно, что оно, как в поговорке, напоминает испанского идадьо, который, чтобы сохранить его, тащит свои страдания по дорогам, отказываясь от хлеба, крова и тепла убежища, потому что взамен ему навязывают казарменную дисциплину. Вольный коммунизм должен обеспечить возможность удовлетворения экономических потребностей при соблюдении этого стремления к свободе. Из любви к свободе мы отвергаем *коммунизм* монастыря или казармы, муравейника или улья, стадный коммунизм, как в России.

Предрассудки. – Все это для тех, кто читает нас с ожесточением и враждебными предрассудками, звучит как нонсенс. Попробуем указать на эти предрассудки, чтобы каждый, кто ими страдает, захотел от них излечиться.

Предрассудок 1: **приписывание кризисам преходящего (временного) характера.** – Капитал и государство – это два старых института в условиях прогрессирующего и неумирающего мирового кризиса. Два организма, несущие в своем распаде, как это всегда бывает в природе, зародыши тех организмов, которые придут им на смену. В природе ничего не создается и ничего не разрушается, все преобразуется.

Капитал тонет в собственном детрите: безработица постоянно растет, потому что он не в состоянии увеличить потребление в той же пропорции, в какой машины увеличивают производство. Безработные представляют собой революционные силы. Голод трусит изолированного индивида, но придает ярость и храбрость, когда он социализирован. В пролетариате зарождаются и набирают силу идеи распада. Государство также задыхается в своей собственной структуре власти. Оно вынуждено создавать все больше репрессивных сил и все больше бюрократии, неся на себе мертвый груз паразитизма, бюджеты, из которых грабят налогоплательщиков. Когда здание поддерживается, это происходит потому, что ему грозит разрушение. Все более пробуждающаяся индивидуальная совесть открыто вступает в конфликт с ограничениями государства. Неминуемость гибели государства заставляет его внезапно извращать свою историческую эволюцию в сторону смягченных и демократических форм, облекать себя в форму фашизма в Италии, диктатуры в других странах, даже в форму диктатуры пролетариата в России.

Это окончательные кризисы, которые ставят старый институт капитала против растущих требований пролетариата, а старый институт государства против свободных устремлений народов, как несравнимые силы. Они идут на смену.

Нет смысла цепляться за старые системы и пытаться найти для них заплатки, пластыри и реформы, пусть даже такие соблазнительные, как у Анри Жоржа, потому что они приходят слишком поздно, чтобы отремонтировать отживший организм. Необходимо думать о том, что пытается родиться, о том, что хочет заменить то, что должно исчезнуть, о зародышевых силах, которые просят места в социальной жизни.

Предвзгляд 2: **полагают, что вольный коммунизм – плод невежества.** – Поскольку его предлагают люди, имеющие репутацию невежественных и необразованных, люди без высшего образования, они полагают, что вольный коммунизм – это упрощенное решение, которое игнорирует сложность жизни и трудности, связанные с такими изменениями. В этом предвззудке заложено то, о чем мы будем говорить далее.

В совокупности пролетариат обладает большими знаниями в области социологии, чем интеллигенция, и, соответственно, более глубоким пониманием ее решений. Так, например, врачи, юристы и фармацевты не имеют другого решения проблемы избытка специалистов, кроме как ограничить прием на факультеты, говоря при этом:

«Места заняты, мест больше нет», отторгая в другие профессии или в бурный протест новых поколений, которые рождаются для жизни и приходят в аудитории во все большем количестве. И это упрощенное и абсурдное решение, и глупое, и недостойное тех, кто претендует на превосходство над другими.

Рабочие же осмеливаются предлагать, в соответствии со своими угрызениями учебников по социологии, решения, которые касаются не только одного класса, не одного поколения одного класса, а всех классов общества. Это решение, которое уже намечено документированными социологами на научной и философской основе и которое сегодня может противостоять всем теоретическим решениям социальной проблемы на основе гарантии хлеба и культуры для всех людей.

Если это на устах «невежд», то именно потому, что интеллигенция, имеющая репутацию мудрой, этого не знает. И если пролетариат несет ее, то только потому, что в совокупности он обладает более точным видением будущего и большей широтой мышления, чем все интеллигентные слои, вместе взятые.

Предвззудок 3: **Интеллектуальная аристократия.** – Народ рассматривается как неспособный к свободной жизни и поэтому нуждающийся в опеке. Над ними интеллигенция хочет утвердить аристократические привилегии, подобные тем, которыми до сих пор пользовалось дворянство. Они хотят быть вождями и воспитателями народа.

Все, что блестит, – не золото. Интеллектуальная ценность всех тех, кто обречен на лишение знаний, также не является ничтожной. Многие интеллектуалы не могут подняться над толпой, даже окрыленные своими званиями. С другой стороны, многие рабочие поднимаются до уровня интеллигенции силой своей самооценности. Университетская

подготовка к профессии не означает превосходства в любом смысле, поскольку оно приобретается не в свободной конкуренции, а в тени экономических привилегий.

То, что мы называем здравым смыслом, быстротой видения, интуицией, инициативой и оригинальностью, в университетах не покупается и не продается, им обладают и интеллигенты, и неграмотные.

Менталитет, который нужно культивировать, во всем его диком невежестве, предпочтительнее ума, отравленного предрассудками и застывшего в рутине знаний. Культурность нашей интеллигенции не мешает ей обладать некультурным чувством собственного достоинства, которое иногда ярко проявляется в людях с репутацией необразованных.

Карьера не дает ни большего голода, ни большего тлена, ни большей семьи, ни большей болезни, чем ручное ремесло; поэтому она имеет не большее превосходство, чем профессиональная, и это не оправдывает, если не упрощенно и не пошло, того, что она должна руководить и командовать теми, кто не является таковым.

Предрассудок 4: Приписывание пренебрежительного отношения к искусству, науке или культуре. – Мы не понимаем, что эти три вида деятельности, для того чтобы сиять, должны быть основаны на человеческих страданиях или рабстве. Для нас они должны быть несовместимы с этой неизбежной болью. Если для того, чтобы сиять, они должны контрастировать с уродством, с невежеством и бескультурьем, мы можем объявить себя несовместимыми с ними, не опасаясь ереси.

Искусство, наука и культура не покупаются за деньги и не завоевываются властью. Напротив, если они достойны, они отвергают всякое вассальство и показывают себя неподкупными. Они создаются творческой самоотдачей, способностями, стремлением к исследованию и вкусом к совершенству. Но не Меценатами и не Цезарями. Они расцветают стихийно повсюду, и все, что им нужно, - это беспрепятственное развитие. Они – плоды человека, и упрощение заключается в том, что человек способствует им, создавая на государственном уровне бюро изобретений или премии в области культуры.

Когда, прося хлеба и требуя справедливости, пытаюсь освободиться, трудящийся говорит, что он портит искусство, науку или культуру, то естественно, что он проявляет иконоборчество и сбивает нематериального идола, с помощью которого его держат в рабстве и несчастье. Кто сказал, что искусство, наука или культура страдают от создания благосостояния или обладания свободой?

Предрассудок 5: Неспособность структурировать новую жизнь. – Новая экономическая организация требует технического сотрудничества, причем как специализированного рабочего, так и простого. Как сегодня даже революционные силы сотрудничают в производстве, так и завтра это должны делать это. Иными словами, новая жизнь должна оцениваться не по способностям революционеров, как если бы мы были популистской политической партией, а по способностям всего коллектива. Технику заставляет работать экономическая нужда, а не любовь к буржуазии. То, что завтра заставит всех сотрудничать

в производстве, будет также экономической необходимостью, которая будет вовлекать всех трудоспособных граждан. Мы не доверяем только тем, кто делает это из преданности или добродетели.

Поэтому нам не нужно ослеплять мир своими способностями или необыкновенными дарами, которые потом окажутся такими же фальшивыми, как и у политиков. Мы не предлагаем никого спасать. Мы предлагаем режим, при котором не нужно рабство, чтобы заставить человека производить, и не нужно страдание, чтобы заставить его поддаться алчности капитала. Не прихоть, не частное или личное удобство будут управлять и направлять, а все мы будем вносить свой вклад в гармонию целого, каждый своим трудом, каждый в меру своих сил и способностей.

Предрассудок 6: **Вера в необходимость социального архитектора.**

Вера в то, что общество нуждается в уполномоченной власти, или в то, что толпа разбухнет, если не будет полицейских, способных ее остановить, - это предрассудок, взращенный политикой. Человеческое общество держится не на силовом принуждении и не на разумном предвидении правителей, а на инстинкте общительности и потребности во взаимной поддержке.

Правители всегда любили приукрашивать себя этими ложными показателями. Кроме того, общества имеют тенденцию принимать все более совершенные формы не потому, что к этому стремятся их правители, а в силу спонтанного стремления к этому индивидов, составляющих их, и врожденного стремления каждой группы людей.

По той же иллюзии мы приписываем заботе отца рост и развитие ребенка, как будто он растет и процветает благодаря постороннему влиянию. Рост и развитие происходят всегда и у всех детей, и никому не нужно их обеспечивать. Важно только, чтобы никто не мешал и не препятствовал этому.

Точно так же ребенок обучается и воспитывается. По природной склонности. Учитель может утверждать, что он может ассимилировать и лепить ребенка, но верно и то, что ребенок обучается и воспитывается без чьего-либо руководства, если ему никто не мешает. И в расовой педагогике лучшая роль учителя заключается в том, чтобы расчистить путь и освободить от препятствий склонность ребенка к усвоению знаний и формированию себя. То, что учитель не является незаменимым, демонстрирует автодидакт.

Аналогичный пример можно привести и из медицины. Врач может утверждать, что вылечит больного, и публика может в это поверить. Но болезнь лечится именно спонтанным стремлением организма к восстановлению равновесия, именно защитными силами организма.

Врач лучше всего выполняет свою роль, когда с биологическим смирением ограничивается очищением лечебных защит от препятствий и помех. Нередки случаи, когда больной излечивается вопреки врачу.

Для того чтобы человеческое общество организовалось и совершенствовалось, не обязательно, чтобы кто-то пытался это сделать, достаточно, чтобы никто не мешал и не препятствовал этому. Попытка усовершенствовать человека и заменить его спонтанные наклонности искусством власти и дубинки – еще одно упрощение. С биологическим смирением мы, анархисты, просим дать свободу организаторским склонностям и инстинктам.

Предрассудок 7: **Преобладание знаний над опытом.** – Это так же, как желание, чтобы умение предшествовало обучению, опыт – репетиции, а мозоли – работе.

От нас с самого начала требуют идеального режима, гарантии, что все будет сделано именно так, а не иначе, без суеты, без истерик, без поражений. Если мы будем учиться жить по теории, то никогда не закончим обучение. Ни ребенок не научится ходить, ни мальчик не научится ездить на велосипеде, ни профессия, ни специальность. Напротив, в жизни все происходит наоборот. Вначале вы решаете действовать, а действуя, учитесь. Врач начинает практиковать, не имея никаких знаний о своем искусстве, которые он приобретает, спотыкаясь, ошибаясь и многократно терпя неудачи. Женщина, не научившись домоводству, умудряется поддерживать свою семью на плаву, распоряжаясь недостаточной зарплатой.

Специалист постепенно выходит из своей неуклюжести.

Именно живя в вольном коммунизме, мы научимся жить в нем. Именно внедряя его, мы увидим его слабые стороны и неправильные аспекты.

Если бы мы были политиками, мы бы нарисовали рай, полный совершенства. Но поскольку мы – люди и знаем, что такое человек, мы верим, что человек научится ходить в одиночку единственным способом, которым можно научиться: ходьбой.

Предрассудок 8: **Посредничество политиков.** – Худший из всех предрассудков – верить, что идеал может быть реализован при посредничестве людей, даже если они не хотят называть себя политиками. Политик довольствуется тем, что ставит знак на титульном листе режима и пишет новые постулаты на конституционной бумаге. Так удалось назвать коммунизмом и Россию, и Испанскую рабочую республику, где число рабочих всех классов составляет одиннадцать миллионов, а число безработных – тринадцать миллионов. Если бы вольный коммунизм был реализован политиками, нам пришлось бы довольствоваться режимом, в котором не было бы ничего коммунистического и ничего вольного.

Политическому действию, которое обманчиво и лживо, мы противопоставляем прямое действие, которое есть не что иное, как непосредственное осуществление задуманного идеала, сделав его осязаемым и реальным, а не писаной и не постижимой фикцией или отдаленным обещанием. Это исполнение коллективного договора самим коллективом, не отдавая его в руки мессии и не доверяя посредникам.

Вольный коммунизм реализуется в той мере, в какой используется прямое действие и в той мере, в какой отпадает необходимость в посредниках.

